

УБОЙНЫЙ АРСЕНАЛ

остросюжетные романы о совершенном оружии

1207

ЗАПОМНИ ЭТОТ КАЛИБР. ОН УБИВАЕТ ВСЁ!

Технические характеристики
АКС-74У

5,45х39
- автоматика на основе
отвода пороховых газов
коробчатый магазин емкостью

2,97/2,485 кг
3,6/3,5/3,0 кг (со
снаряженным магазином); 4,09/3,99/- кг

- 1089/1089/- мм (со
940/ 940/730 мм (без штыка);
со сложенным прикладом -
АКС-74У - 490 мм
- 415/415/206,5 мм

Тактико - технические характеристики
АКС-74/АКС-74У/АКС-74У

- Патрон - 5,45х39
- Принцип работы - автоматика на основе
отвода пороховых газов
- Питание - коробчатый магазин емкостью
30 патронов
- Масса - 3,07/2,97/2,485 кг
(неснаряженная); 3,6/3,5/3,0 кг (со
снаряженным магазином); 4,09/3,99/- кг
(со штыком)
- Длина оружия - 1089/1089/- мм (со
штыком); 940/ 940/730 мм (без штыка);
- Длина оружия со сложенным прикладом -
АКС-74 - 700 мм, АКС-74У - 490 мм
- Длина ствола - 415/415/206,5 мм

Тактико - технические харак
АКС-74/АКС-74У/АКС-74У

- Патрон - 5,45х39
- Принцип работы - автоматика
отвода пороховых газов
- Питание - коробчатый магаз
30 патронов
- Масса - 3,07/2,97/2,485 кг
(неснаряженная); 3,6/3,5/3,0
снаряженным магазином); 4,09
(со штыком)
- Длина оружия - 1089/1089/-
штыком); 940/ 940/730 мм (бе
- Длина оружия со сложенным
АКС-74 - 700 мм, АКС-74У - 4
- Длина ствола - 415/415/206

СЕРГЕЙ САМАРОВ

Сергей Самаров

12 и 7

«Автор»

2014

Самаров С. В.

12 и 7 / С. В. Самаров — «Автор», 2014

Банда эмира Абдулмалика Бахтиярова немногочисленна, в ней немногим больше двух десятков человек. Но она чрезвычайно опасна, ее вылазки результативны, и вот уже продолжительное время никто не может ей противостоять. А главная причина в том, что в банде действует высококласный снайпер. И в своей «работе» снайпер использует шедевр оружейного искусства – секретную, особо мощную и точную винтовку, предназначенную для поражения целей на больших расстояниях. Именно эта винтовка – как кость в горле у федералов. Для ликвидации снайпера и его дьявольского оружия в горы отправляется спецназ ГРУ. Возглавляет подразделение старший лейтенант Солмагаров...

© Самаров С. В., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Пролог	6
Глава первая	14
Глава вторая	22
Глава третья	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сергей Самаров

12 и 7

© Самаров С., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

Снайпер вышел к дороге со стороны холмов. Он даже не вышел, а выполз. И полз аккуратно, чуть ли не по сантиметрам преодолевая путь. Беда была в том, что через дорогу, против поста ДПС, холмы были покрыты лишь высокой травой и не было ни единого кустика, за которым можно было бы укрыться. А как стрелять из высокой травы, которая закрывает видимость? Из положения лежа это делать невозможно. Для стрельбы следует хотя бы встать на колено. Но тогда ты сам будешь смотреться в своем маскировочном халате, как куст, которых здесь нет. И инспекторы дорожно-патрульной службы, которые дежурят постоянно именно на этом посту, хорошо знают всю окрестность и появление нового куста там, где его никогда не было, могут заметить. Они тоже осторожные и всегда готовы дать автоматную очередь при любом подозрительном движении. Жить, понятно, и им хочется. Первоначально Снайпер желал устроиться на гребне холма, считая, что при стрельбе оттуда он и цели своей добьется, и останется невидимым. Но, добравшись до этой позиции, понял, что она более удобная, и от своего первоначального плана отказался, набрал на трубке номер и сказал:

– Задержка минут на десять-пятнадцать. Ищу другую позицию.

И услышал в ответ такое же короткое сообщение:

– Работай. Ждем сигнала. Главное, не опоздай. Но машина еще не выехала.

Тогда Снайпер и пополз к самому краю холма, туда, где трава кончалась – вдоль дороги она была выкошена. Можно высунуть из травы ствол «винтореза», оставаясь незамеченным. Тем более что толстый интегрированный глушитель винтовки был обмотан точно такой же зеленой травой, как и та, что росла вокруг. Не вялой еще, но только-только перед выездом срезанной. Глушитель Снайпер обматывал в машине, специально так, чтобы трава была свежей. Снайпер был настроен на работу, выполнять которую не просто умел, но и любил. Его целых шесть месяцев готовил в пакистанском лагере бывший американский сержант-инструктор Джон Джонс, который заставлял всех курсантов при обращении к нему непременно добавлять слово «сэр», словно он до сих пор служил в армии. Но при этом сержант-инструктор Джонс обучал курсантов не только с Северного Кавказа, вернее, таких в группе было всего трое, а все остальные, а это больше двух десятков человек, были талибами из Афгана, и применять полученные знания они должны были против американской армии. Впрочем, сержанта-инструктора это мало смущало. Он тоже делал свою работу, за которую получал хорошие деньги, и делал ее качественно. По крайней мере, Снайпер, до этого считающий себя почти готовым специалистом, поскольку ему, так и называвшемуся снайпером джамаата, удалось сделать с десятка выстрелов из своего «винтореза», причем половину из них – по живым мишеням, узнал много нового и необходимого для профессионального снайпера.

Тогда же он научился главному – беречь себя, как может и должен себя беречь только высокий специалист своего дела, человек, которого обязаны ценить окружающие. С чужих слов он узнал себе цену, и она оказалась намного выше предполагаемой им самим. И тогда же он понял, что и другие должны его ценить так же, потому что это заслужено, потому что он способен сделать и делал гораздо больше, нежели все остальные. Сержант-инструктор Джонс приводил такие цифры, что снайпер уничтожает противников в пять-десять раз больше, в зависимости от класса снайпера, чем простой боец. Отсюда и его ценность. И Снайпер себя ценил. И когда он начал себя ценить, увидел, как ценят его и другие. Только один Снайпер во всем джамаате мог возразить эмиру и настоять на своем, если чувствовал свою правоту. А Снайпер по характеру был таким человеком, что говорил только тогда, когда эту правоту действительно чувствовал. И он не был капризным, не набивал себе цену, но держался цены существующей, действительной.

Снайпер полз, преодолевая дистанцию сантиметрами и почти не приминая траву, потому что он там, где можно было ее примять, он поворачивался на бок и змеей извивался, огибая особенно высокую и ломкую траву. Самодельный маскировочный халат Снайпера представлял собой обыкновенную плащ-палатку, обшитую разной ширины полосами материала цвета хаки. И Снайпер сам проверял эффективность этого маскхалата, заставив одного из своих товарищей пробираться через траву в нескольких десятках метров от себя. И только с близкого расстояния можно было различить и выделить человеческую фигуру. В траве же, в горизонтальном положении, маскировочный халат укрывал полностью. В пятидесяти метрах его никто не смог бы увидеть.

Сержант-инструктор Джон Джонс обучал снайперов не только стрелять и ползать, оставаясь невидимым, делать норы и долговременные окопы, но и шить для себя халаты и костюмы. Вернее, не шить с нуля, а делать из обыкновенных камуфлированных костюмов – маскировочные. Особенно Джонсу нравились костюмы с многочисленными головками болотного камыша, сохраняющего длительное время стойкость даже после того, как его срежут. И каждый из курсантов смастерил таких костюмов несколько. Только не всем это могло пригодиться. Например, в местах, где обитал и воевал джамаат Снайпера, вообще не было болот, и Снайпер впервые увидел их только в Пакистане, хотя, конечно, знал, что это такое.

Снайпер полз, не торопясь, и эта неторопливость позволяла кому-то пожить дольше. Пусть на несколько минут, но дольше. А каждый человек, даже приговоренный к смерти, отлично умеет ценить минуты своей жизни. Каждый человек перед смертью обязательно думает о том, что он не успел завершить. Снайпер чувствовал свою силу и власть из-за возможности распоряжаться чужой жизнью. Это не каждому дается. Не каждому, то есть дается постоянно или хотя бы надолго. Наверное, Снайпера понимал только один эмир, Абдулмалик Бахтияров. Впрочем, с эмиром снайпер разговаривал на эту тему. С другими он, человек мало-разговорчивый и даже угрюмый по своей природе, и разговора о своих чувствах не заводил. Эмир же его понял, потому что сам, наверное, любил распоряжаться чужими жизнями. Более того, именно он решал, чьими жизнями стоит распоряжаться в очередной раз...

* * *

Эмиру Абдулмалику было не все равно, кого убивать. Он сам многократно говорил это своим бойцам, в том числе и Снайперу. Главной целью своей деятельности эмир выбирал ненавистных ему ментов, конфликт с которыми и толкнул когда-то бывшего преподавателя в музыкальном колледже на резкую перемену жизни, увел его в горы и леса и заставил взять в руки оружие. И никогда Абдулмалик не поднимал руку на мирных жителей, не устраивал террористических актов, в которых могли пострадать ни в чем не повинные люди. Да, он ставил взрывные устройства на дорогах, когда по ним проезжали или полицейские машины, или армейские. Армейские – потому что армия поддерживала полицию во всех действиях против тех, кто полиции противостоял. Но однажды, Снайпер сам был свидетелем этого случая, эмир запретил взрывать мощный фугас, потому что вплотную к военному грузовику двигалась местная легковая машина. Она и сидящие в ней люди могли пострадать при взрыве. Этим эмир Абдулмалик отличался от большинства полевых командиров, хотя они тоже предпочитали уничтожать ментов, но при этом, как правило, не считались со случайными жертвами. Еще, конечно, Абдулмалик предпринимал действия против чиновников властей разного уровня. Они всегда были заодно с полицией, она прикрывала их, они – ее. И часто даже были сами связаны с отдельными эмирами. Так, после уничтожения главы одного из районов на эмира Абдулмалика свалилась беда. Один из эмиров повел свой подготовленный отряд против него, чтобы отомстить за родственника, который прикрывал его с помощью своей власти. А Абдулмалик в тот момент отпустил по домам значительную часть своих людей. Просто предоставил им отдых

на неделю. Это была его обычная практика, о которой кое-кто знал. Знал и эмир, который пожелал напасть на него.

Момент был трудным. Троим бойцам, включая самого эмира Абдулмалика Бахтиярова, пришлось выдержать нападение девятих противников. Выручил тогда Снайпер. Он уничтожил пятерых до того, как они смогли подойти достаточно близко, чтобы атаковать. Хорошо, что местность была безлесная. Противники рассчитывали подойти в темноте, но эмир Абдулмалик, получив сообщение от своих людей, выдвинулся вперед, чтобы Снайпер имел возможность отработать по полной программе. Он и отработал. Абдулмалик был благодарен ему за такое качество стрельбы. Оставшихся четверых они преследовали и накрыли среди скал сверху всего двумя одновременными выстрелами из гранатометов «РПГ-7»...

* * *

Вообще-то говоря, ползать Снайпер раньше очень не любил. Он помнил, как сержант-инструктор Джон Джонс заставлял их это делать. Заставлял ползать, до жестких мозолей на всегда синих локтях и коленях. Синели локти и колени как раз от ползания и болели не переставая, порой даже мешая точно стрелять на занятиях по основному профилю. Тем не менее Джон Джонс научил их делать это хорошо. И теперь, когда мозоли на локтях и коленях стали по-настоящему жесткими и не болели, Снайпер получал удовольствие от ползания, зная, что это не каждому доступно без длительной специальной подготовки. А он всегда любил делать то, что другим не под силу. И, опять же, чувство того, что своими неторопливыми движениями он дарует кому-то лишние минуты жизни, поднимало Снайперу чувство собственной значимости. Он для себя выглядел лучше, больше и умнее и в душе насмехался над теми, кто когда-то относился к нему с пренебрежением. У каждого человека бывали в жизни такие моменты, когда он чувствовал к себе пренебрежительное отношение среди окружающих. Кто-то старается такие моменты не замечать, кто-то их болезненно переживает, но избежать этого никому не удастся. Даже в школе при очередной «двойке», а Снайпер в школе учился очень плохо и с трудом ее окончил, чувствовалось пренебрежение тех, кто учился хорошо. Но кому из тех учеников сейчас удастся держать в своих руках чужие жизни и распоряжаться ими?

Снайпер был молод. Его бывшие одноклассники в жизни пристраивались. Большинство в студенты подалось. Сейчас, когда обучение в вузах платное, высшее образование получить несложно. Но у Снайпера семья была небогатой, и за него некому было заплатить. Да он и не нуждался в высшем образовании. Он никогда не стремился учиться. И только на курсах снайперов учился прилежно, хотя тогда уже познал, что значит распоряжаться чужими жизнями и получать от этого удовольствие, и это заставляло его постигать снайперское искусство и науку. Именно так, совмещением искусства и науки, и называл свою профессию сержант-инструктор Джон Джонс. И он сам познал сладостное чувство от осознания, что держишь в руках чужие жизни, потому что не всегда был инструктором, а сначала был простым снайпером, инструктором же стал только после достижения особых высот. Наверное, такое же чувство испытывает палач, когда выводит на эшафот приговоренного к смерти. Но Снайпер не считал себя палачом. Он считал себя воином. Просто воином, хорошо владеющим своей военной профессией.

Снайпер продолжал продвигаться, но скоро этот путь подошел к концу. Просвет в траве говорил, что там, дальше, уже делать нечего, если нет желания подставиться под очереди автоматов инспекторов дорожно-патрульной службы и двух омоновцев, что дежурят с ними. Снайпер замедлил движение и подползать к самому краю не стал, он просто раздвинул стволом траву.

Время нападения эмир Абдулмалик, как обычно, высчитал правильно. Заходящее солнце светило ментам в глаза. И пусть оно не яркое на закате, тем не менее мешает смотреть в восточ-

ную сторону, с которой к дороге и приближался снайпер. Это естественная маскировка в дополнение к маскировке искусственной, к которой относился маскировочный халат.

Инспекторов было четверо, плюс к ним два омовца, кажется, еще кто-то сидел, не включая света, за стеклом на втором этаже в будке-аквариуме. Снайпер попытался сквозь стекло рассмотреть в оптический прицел сидящего, убедился, что там есть кто-то, но большего увидеть не смог. Солнце в этом случае мешало ему, отражаясь в стекле.

«Виброзвонок» сотового телефона в нагрудном кармане заставил Снайпера спрятать ствол в траву и вытащить мобильник. Звонил эмир Бахтияров.

– Слушаю, эмир.

– Ты где?

– Только-только вышел на позицию. Собираюсь доложить.

– Где устроился?

– Прямо рядом с дорогой. Перед выкошенной травой. Залег.

– Удобно?

– Вполне.

– Обзор?

– Полный.

– Работаем. Машина уже готовится. Как только выедет, позвоню. Номер машины помнишь?

– Помню. И саму машину помню. У нас в районе таких нет.

– И быть не может. У наших людей нет денег на такие взятки. Готовься...

– Готов. Жду звонка.

Убрав телефон, Снайпер еще раз прильнул к окуляру оптического прицела и хорошо рассмотрел самоуверенные лица дорожных инспекторов и еще более самодовольные лица омовцев. Пусть любуются друг другом. Недолго осталось любоваться. Снайпер не промахнется с такой дистанции. Он вообще за всю свою снайперскую карьеру только один раз промахнулся, но тогда стрелял с расстояния, значительно превышающего допустимое для прицельной стрельбы, и, не имея в наличии баллистического калькулятора, на глазок прикидывал угол стрельбы, потому что планка прицела и без того была выставлена на предельную дальность.

Стрелять в человека с простым или же вдумчивым лицом Снайперу всегда было трудно. Как правило, эти люди бывают незлыми. А властные и самодовольные – от них добра не жди. Они не хуже хитрых, но и не лучше. И именно такие идут работать в полицию или в прокуратуру. Это уже проверено многократно. Или такие, или люди, лица которых Снайпер называл «лицами комсомольских работников». Это была не его фраза, это была фраза его отца, который сам когда-то собирался уйти в горы в джамаат к своему родственнику, эмиру Бахтиярову, но потом решил, что его надорванная на работе спина не позволяет вести такую жизнь. И отправил сына, которому передал свой припрятанный в сарае «винторез» – трофей, захваченный у чеченцев, когда те двинулись на Дагестан. Не зря, значит, припрятал...

* * *

Эмир Абдулмалик Бахтияров сидел в машине рядом с двумя своими бойцами на заднем сиденье. Оба спутника зажимали коленями пистолет-пулеметы «Борз»¹, которые легко спря-

¹ Пистолет-пулемет «К6-92» (калибр 9х18 ПМ) был разработан в Республике Армения в период войны в Нагорном Карабахе. Вскоре значительное количество этих пистолет-пулеметов оказалось в Чечне на вооружении войск Дудаева. Впоследствии чеченцы пытались самостоятельно наладить производство «К6-92», но безуспешно. Была выпущена только небольшая партия под названием «Борз» («борз» по-чеченски – волк). Однако пистолет-пулемет продолжал выпускаться в кустарных мастерских Чечни в упрощенном варианте. Правоохранительными органами на Северном Кавказе до сих пор изымается значительное количество этих пистолет-пулеметов, и почти официально все образцы именуются «Борз», независимо от того,

тать от посторонних глаз, если до начала операции к машине по какой-то случайности подойдет полицейский или вообще кто-то, кому видеть вооруженных людей не следует. Переднее пассажирское сиденье никто не занимал, потому что передние стекла были нетонированными, и там просто рискованно прикладывать к глазам бинокль. Бинокль тоже может вызвать подозрение, как отчасти боевое приспособление или даже прибор двойного назначения. А эмир Абдулмалик как раз и сидел с биноклем. Он не поднимал его до тех пор, пока из калитки двора в конце улицы не вышел человек, провожаемый мужчиной и двумя женщинами. На вышедшем был синий мундир. Провожающие обнимали его, тепло прощаясь. Наконец человек в синем мундире сел в спортивную машину «Шевроле Камаро». Мотор взревел, как обычно бывает у спортивных машин, и автомобиль резво рванул с места. На перекрестке машина развернулась и двинулась в обратном направлении. Скорость была такая, что, когда «Камаро» «пролетел» мимо скромной машины эмира Бахтиярова, никто не успел рассмотреть лица водителя.

Абдулмалик Бахтияров сделал знак, и сидящий слева от него человек опустил в своей дверце стекло. В окне дома, против которого машина стояла, появилась женщина. Эмир кивнул ей и показал зажатый в своей руке сотовый телефон. Женщина кивнула и сразу же стала куда-то звонить. Машина за окном тронулась в ту же сторону, куда двинулся «Шевроле Камаро», но, естественно, в силу своих возможностей, не на такой скорости...

* * *

Женщина набрала номер. Ей ответили сразу.

– Это милиция?

– Полиция, – слегка грубо поправили ее.

– Я вот сейчас по улице Грибоедова шла... – сказала женщина торопливо и неловко, сбиваясь в словах. – Да, телефона у меня с собой не было, звоню только из дома. Машина мальчика на велосипеде сбила и не остановилась, дальше проехала. «Скорую помощь» я уже вызвала. Сначала к ним позвонила, потом к вам...

– Мальчик жив?

– Жив. Голова только вся в крови. Там еще соседи вышли. Помогают ему.

– Понятно. Какая машина?

– Желтая такая. Спереди две черные полосы. Широкие такие полосы. Красивая машина. Носится, как угорелая...

– Марка!

– Я не знаю. Я не понимаю. Там спереди крест золотой.

– «Шевроле»?

– Я не знаю.

– А номер?

– Я буквы не запомнила. Только цифры.

– Говорите.

Женщина назвала.

– Кто сообщил?

– Я...

– Ваша фамилия!

– Сабурова. Я здесь живу...

– Понятно. Спасибо за сообщение. Мы примем меры. Куда машина двинулась?

– На выезд из поселка.

– Водителя вы видели? Узнать сможете?

– Мне показалось, военный какой-то. В синем мундире. Может, летчик. Лицо я не рассмотрела. Он так быстро мчался. Как на самолете...

– Все, спасибо.

Собеседник отключил связь. Женщина перевела дыхание, спокойно вытащила из мобильного sim-карту, переломила пополам и вставила в телефон другую. Набрала номер и сказала коротко:

– Порядок. Я позвонила. Примут меры.

Собеседник, выслушав молча, отключил связь. Женщина убрала мобильник в карман цветастого халата и посмотрела за окно на дом соседей – Сабуровых...

* * *

Снайпер ждал в полной невозмутимости. Он, кажется, совершенно не умел волноваться. Впрочем, плохим бы он был снайпером, если бы волновался. Трясущиеся руки и неровное дыхание никогда не дадут произвести прицельный выстрел. Крепкие нервы – обязательное качество снайпера. И потому ждать он умел, не нервничая, но и не теряя при этом внимательности. Но мобильник положил на землю рядом с винтовкой, готовый по необходимости позвонить, когда потребуется.

Вскоре начали развиваться события. Судя по тому, как оба инспектора на дороге схватились за свои переговорные устройства, они получили предупреждение. А через тридцать секунд из будки поста ДПС выскочил пузатый полицейский, что-то крикнул, видимо спрашивая коллег, получил ответ и вернулся в будку. Команда сразу же была передана и омоновцам, и те заняли позицию.

Стояли в следующем порядке: один инспектор рядом с дорогой, за ним, на дистанции в тридцать пять метров или чуть-чуть больше, устроился первый омоновец. Еще через пятьдесят метров встал у дороги второй инспектор, и на той же дистанции, что и у первой пары, второй омоновец. Проходящие местные машины инспекторы не останавливали. Ждали ту, что была им нужна. Наконец громкий звук двигателя дал знать и инспекторам, и омоновцам, и даже Снайперу, что критический момент приближается. Ярко-желтый «Шевроле Камаро» вылетел из-за поворота с явным превышением скорости. Перед постом ГИБДД скорость стала намного меньше. Спортивный автомобиль был оборудован мощной тормозной системой. Первый инспектор дорожно-постовой службы сделал жест жезлом, требуя от водителя принять вправо и остановиться. «Шевроле Камаро» завизжал тормозами, но сбрасывать скорость до минимальной он начал слишком поздно. И на тормозном пути автомобиль проехал под автоматными стволами первого инспектора и первого омонивца вплоть до второго инспектора. Второй омоновец так и оставался на прежней дистанции, взяв на изготовку автомат. Впрочем, изготовка здесь была условной, потому что «тупорылый» «АКСУ»² с дистанции в тридцать пять метров сильно разбрасывает пули, и прицельно стрелять из него можно только от плеча. Так, именно для прицельной стрельбы, и приготовили свое оружие первые инспектор с омоновцем. И водитель «Шевроле Камаро» не мог не видеть этого в зеркало заднего вида. Он остановился, но выходить из машины, как это делают многие водители, не стал, а только опустил стекло в пассажирской дверце.

Снайпер поднял винтовку. Стекло в водительской дверце тоже было опущено. Изначально считалось, что инспектор подойдет к водительской дверце. Это облегчало попадание в голову при выстреле. Но инспектор захотел разговаривать с водителем через пассажирскую

² «АКСУ», «АКС-74У» – автомат Калашникова укороченный, модификация автомата «АК-74», разработан для применения в органах внутренних дел, для экипажей боевых машин и артиллерийских расчетов, то есть войск, которым длинный ствол не нужен и только мешает. Из-за раструба – дожигателя пороховых газов автомат прозвали «тупорылым».

дверцу и наклонился к ней, сам оставаясь почти полностью закрытый автомобилем. У «Шевроле Камаро» остекление небольшое и внутри салона слегка темновато, как у всех спортивных машин. И потому инспектора было видно плохо. И легко можно попасть в грудь, прикрытую бронежилетом. Но Снайпер свое дело знал и легко рассчитал, где находится голова. Он, хотя прицеливался быстро, не торопился. Понимая, что торопливость с выстрелом может «завалить» все дело. Но и медлить было нельзя, поскольку неизвестно, как поведет себя инспектор ГИБДД, встретившись лицом к лицу с работником республиканской прокуратуры. На некоторых инспекторов один синий прокурорский мундир уже производит впечатление. А кому нужны неприятности!

Задержав на секунду дыхание, Снайпер нажал на спусковой крючок и сразу после этого оторвался от окуляра прицела. С такого близкого расстояния эффект выстрела можно было оценить без прицела лучше, чем с прицелом. Сам слабый звук скорее всего до противоположной стороны дороги даже не донесся, тем более что «говорливый» движок «Камаро» обязан был его заглушить полностью. Но девятимиллиметровая пуля отбросила инспектора дорожной полиции от машины, заставила выпрямиться, раскинуть руки и рухнуть на спину. И тут же «заговорили» автоматы других участников конфликта. Они ждали не сотрудника прокуратуры, а военного летчика. И совсем не ожидали выстрела в голову из машины. А выстрел, получалось, прозвучал именно из машины, в которую инспектор засунул голову. Второй омоновец начал стрелять от пояса и с двух коротких очередей чуть не пристрелил своего товарища и первого инспектора ДПС. Но спохватился и поднял приклад к плечу. Очереди сквозь заднее стекло оказались более эффективными. Пули из двух автоматов сразу попали в голову водителя, и он уронил ее на руль. Если бы не ремень безопасности, на руль упал бы и сам водитель. Но, уже убитый, водитель каким-то образом отпустил тормоз и нажал на педаль газа. Селектор «автомата» стоял, «видимо», в положении «драйв», и «Камаро» рванулся с места, управляемый мертвецом. Вскоре шикарный спортивный автомобиль влетел в кювет, где завалился набок.

Снайпер наблюдал за происходящим, не убрав ствол своей винтовки в траву, во-первых, чтобы иметь возможность сразу начать отстреливаться, если вдруг его каким-то образом вычислят, во-вторых, потому что ствол раздвигал траву и давал обзор. Нападения Снайпер не боялся. Пока они добегают до него, он сможет их всех перестрелять. Они, даже если приблизительно знают, где он находится, все равно не имеют возможности сразу определить его без тепловизора, а винтовки с тепловизором он на посту не видел.

Когда все закончилось и автоматные очереди стихли, когда затих и двигатель «Камаро», из будки поста животом вперед выбежал и третий инспектор ДПС. На бегу он разговаривал с кем-то по телефону, видимо, докладывал о случившемся. И подбежал он сразу к убитому Снайпером инспектору, над которым уже склонились его товарищ и двое омоновцев. Хотел, видимо, убедиться в том, что тот мертв. Затем он выпрямился и продолжил доклад. Но пузатому, наверное, задали еще один вопрос, и он побежал к остановившейся машине и заглянул в салон. И, выпрямившись, доложил об увиденном. Наверное, сообщил и то, что машиной управлял подполковник в мундире прокурора. На этом разговор закончился. Рядом остановились сразу три проезжающие мимо машины, водители один за другим что-то прокричали. Снайперу показалось, они спрашивали о том, нужна ли помощь. В одной из машин, как стало понятно, находилась врач. Ее позвали, хотя смысла в этом не было никакого. Женщина только склонилась над убитым и сразу выпрямилась, даже не притронувшись к нему. Подтвердила, должно быть, факт смерти.

Машины поехали дальше. Следом за ними остановилась длинномерная тяжелая груженая фура. Из нее помощь не предлагали, водитель и его напарник только поглазели и быстро уехали. Другие машины даже не останавливались, и только скорость на радостях прибавляли, видя, что их не останавливают. А скоро раздался вой многочисленных сирен. Ехали, несомненно, полицейские машины. И только тогда Снайпер взял трубку и позвонил:

- Они едут. Все, как вы рассчитали. Выезжайте на дивертисмент³.
- Жди. Мы уже рядом. Едем...

Теперь уже Снайпер стал ждать с интересом. Когда участвуешь в непосредственном действе, как это обычно бывает, все и всегда не так смотрится. Там невольно выполняешь все задуманное автоматически, а так ты все сам видишь со стороны и оцениваешь не только выполнение, но и эффект, и эффективность.

Ждать ему пришлось чуть больше десяти минут. Две хорошо знакомые Снайперу машины появились из-за поворота. Ехали неторопливо, как ездят все, знающие о существовании поста ДПС в этом месте. А об этом знали все водители, время от времени пользующиеся этой дорогой. И ментов на посту не уважали. Здесь всегда внаглую требовали взятки. Машины стали тормозить, когда заметили скопление полицейских машин и машин «Скорой помощи» на площадке перед постом. Но остановились, только проехав на двадцать-тридцать метров дальше группы полицейских и прокурорских начальников, стоящих рядом с «Шевроле Камаро». Снайпер видел, как из первой машины вышел эмир Абдулмалик Бахтияров, потянулся и приложил к глазам ладонь, словно заходящее солнце мешало ему смотреть, хотя оно светило сбоку и не мешало ему. И, только рассмотрев хорошенько местность и удостоверившись, что никто не смотрит на остановившиеся машины, Абдулмалик дал команду. С задних сидений двух машин синхронно вышли по человеку, оба встали на одно колено, положили на плечо по трубе гранатомета «РПГ-7» и дали по выстрелу осколочными гранатами. Два выстрела разметали полицейскую и прокурорскую толпу в разные стороны.

Откуда-то со стороны здания поста на взрывы побежали два омовца с автоматами. Их-то и ждал Снайпер. Два выстрела прозвучали с небольшим интервалом, хотя слышны они были только самому стрелявшему. Снайпер к тому времени уже успел сменить магазин с простыми патронами на магазин с бронебойными, которые легко пробивали каленым сердечником любой бронежилет. Омовцы не добежали даже до позиции, с которой могли вести стрельбу по остановившимся машинам. А гранатометы уже были перезаряжены. Два новых выстрела, уже родными бронебойными гранатами, предназначались двум полицейским машинам. Сразу же взорвались и бензобаки. Поднялся густой и черный дым. А Снайпер сделал еще два выстрела. Он увидел, как с места, куда ударили две осколочные гранаты, убегает шустрый инспектор, сидевший раньше в будке поста. Его живот представлял собой мишень, интересную со спортивной точки зрения, потому что сильно колыхался. Второй выстрел предназначался еще одному автоматчику, непонятно откуда появившемуся и успевшему даже выскочить на дорогу.

Эмир Абдулмалик призывно махнул рукой, Снайпер выпрыгнул из травы и бегом устремился к поджидавшим его машинам. Стрелять в него уже было некому. Те полицейские и прокурорские работники, что остались рядом с постом, были вооружены только пистолетами. А попасть из пистолета в бегущего человека с такой дистанции крайне проблематично. Никто даже и не пробовал...

³ Дивертисмент – «увеселение», «развлечение» (*от итал. divertimento*) – так называется ряд концертных номеров, составляющих особую увеселительную программу, даваемую в дополнение к какому-либо основному спектаклю, концерту.

Глава первая

Старшего лейтенанта Солмагарова вызвали в оперативный антитеррористический штаб утром сразу после завтрака. Олег Павлович уже знал, что в штабе находится командир их сводного отряда подполковник Полковников, и потому поспешил добратся в штаб побыстрее. Для этого пришлось попросить у коменданта гарнизона, а сводный отряд спецназа ГРУ как раз квартировался на территории комендантского городка, машину. Тряский военный «уазик» быстро довез старшего лейтенанта до управления ФСБ. Солмагаров даже подумал, что следовало ехать на своей отрядной боевой машине пехоты, в которой трясет, кажется, поменьше. По крайней мере, ему самому, еще не полностью оправившемуся от недавней легкой контузии, такая тряска далась непросто. Заныла сломанная рука, и заломило в висках. Врач предупреждал, что старший лейтенант излишне торопится вернуться из госпиталя в строй. Но Солмагаров чувствовал ответственность за солдат своего взвода, которыми в период его отсутствия командовал не слишком опытный старший прапорщик Факхатуллин, в обыденности своей только инструктор по снайперскому делу, к тому же только совсем недавно переведенный в спецназ ГРУ из «учебки» мотострелковой дивизии, и потому спешил с выпиской. Ему пошли навстречу.

Командование тоже понимало, что старший прапорщик Факхатуллин, заменявший старшего лейтенанта на должности, не «тянул» на командование в боевых операциях. И приходилось, во избежание потерь, придерживать целый взвод, тогда как все другие взводы сводного отряда, вернувшись с очередного задания, не успевали сходить в баню, чтобы смыть с себя пыль местных гор, как их снова куда-то отправляли. Такое вечно длиться не могло, и Полковников лично ходил и к лечащему врачу, и к главному врачу госпиталя, и даже пообещал не нагружать сильно старшего лейтенанта Солмагарова, если его выпишут раньше срока. Так старший лейтенант и покинул госпиталь, оставив там долечиваться одного из солдат своего взвода и водителя бронетранспортера, которые вместе с ним подорвались на mine во время одного из рейдов. Хорошо, что мина была противопехотной, и только слегка повредила ходовую часть БТРа, а все трое спецназовцев, и офицер, и два солдата, получили только легкие контузии. Старший прапорщик Факхатуллин на первое время был оставлен при взводе, чтобы просто помогать Солмагарову и подменять его в случае необходимости.

В оперативном штабе старший лейтенант Солмагаров еще ни разу не был ни во время этой командировки, ни во время предыдущей, хотя работать приходилось в этой же Республике Дагестан. И потому пришлось обратиться с докладом к дежурному по штабу. Тот, оказывается, уже был в курсе и послал своего помощника-солдата проводить спецназовца в нужный кабинет.

В большом помещении было много людей, все старшего офицерского состава разных родов войск и полиции, и сидели не за круглым столом, а за несколькими столами, разбившись на группы. Согласно армейской дисциплине старший лейтенант Солмагаров пытался отыскать глазами старшего здесь по званию, чтобы попросить разрешения обратиться к подполковнику, когда Полковников сам встретился с Солмагаровым глазами и позвал его приветственным жестом.

– Товарищ подполковник, старший лейтенант Солмагаров по вашему приказанию... – начал было старший лейтенант доклад, но Полковников прервал его, взмахнув рукой.

– Как самочувствие, Олег Палыч? – спросил начальник.

– Отличное, товарищ подполковник. – Сегодня со взводом даже марш-бросок совершил.

– Не рано?

– В самый раз. Надо себя в порядок приводить. Иначе совсем скиснуть можно.

– Ты из госпиталя вчера вернулся?

– Позавчера. Для «рукопашки» в полный контакт еще не гожусь, но все остальное уже могу выполнять. Готов к выполнению любого задания. Меня, как я понимаю, для этого вызвали.

– Для этого, для этого, хотя сомнения меня гложут. Хотя самому во главе твоего взвода встать, что ли... Но у меня другие функции. А больше мне и послать некого. Все в разгоне. На твоего старшего прапорщика я не надеюсь. Не совсем его профиль, хотя и без него тоже не получится. Сможешь провести боевую операцию? Возможно, многодневную, такую, где требуются соображение, хитрость, расчетливость?

– Так точно, товарищ подполковник. Для того из госпиталя и просился. Я лучше Факхатуллина знаю, что мои солдаты могут сделать и кого куда стоит посылать.

– Отлично. Тогда садись и входи в курс дела. Капитан Исламбеков введет тебя в курс дела. И работать будет с тобой вместе. На нем лежит все материально-техническое снабжение твоего взвода. Даст все, что запросишь. Из Москвы обещали предоставить требуемое. Из фондов ФСБ.

Капитан в форме ФСБ поднялся из-за стола, протянул для рукопожатия крепкую руку, и представился:

– Кабир Нафизович меня зовут. Присаживайся, старлей, за стол...

* * *

Ситуация, в общем-то, была ясной, хотя и непрозрачная. Прозрачной она считается в случаях, когда известно примерное местоположение банды и требуется в боевом порядке прочесать участок, чтобы поднять бандитов и выгнать их на полицейскую чаще всего засаду. В данном случае разведка не располагала данными о расположении банды эмира Бахтиярова. Известен был только район, в котором он обычно действует. Знали, где располагаются три его заброшенные базы. Там полицейским спецназом были выставлены радиомаяки с фотоэлементами, ни один из которых не сработал ни разу. Значит, бандиты в тех местах не появляются. И следовало разработать план операции, согласно которому бандитов можно будет выманить, чтобы блокировать и уничтожить.

Сложность состояла еще в том, чтобы каким-то образом изолировать снайпера банды и лишить его возможности работать. Банда обладала сильным и умелым снайпером, который практически один дважды сумел отразить атаки полицейского спецназа республики до того, как спецназ вышел на дистанцию, пригодную для атаки. Потери, понесенные по вине снайпера, заставляли полицейских прерывать поиск и отступать. Для этой цели старшему лейтенанту Солмагарову рекомендовалось использовать старшего прапорщика Факхатуллина, который, вероятно, должен будет задействовать собственную группу снайперов или принять какие-то иные контрмеры.

– Индикатор оптических систем... – сразу предложил старший лейтенант. – Без этого нам будет трудно обойтись.

– Да, мы уже запросили десять штук «Луч-1М», – сообщил Полковников. – Обещали прислать в течение трех дней. Надеюсь, не подведут и пришлют. Они надежные, работают без сбоев. А главное, не требуется отдельного специалиста. Там управление простое. Солдаты справятся без труда.

– Справятся, – согласился Солмагаров. – Мои мальчишки в Ингушетии с ними работали. Правда, от того состава взвода половина солдат уже уволилась. Но и другие не дурнее. Я, честно говоря, кроме «Луча», вообще ни одной системы не видел. Их много?

– Много, – сообщил Исламбеков. – Есть такие, что целый автобус занимают. И большинство требуют для управления специалистов с высшим образованием. Некоторые даже по несколько человек. Но нам они не нужны. Их используют для охраны высших лиц государства.

Там могут себе позволить и специалистов держать. Мы на каждого бандита по несколько специалистов нанимать не можем.

– Главное, как нам самого Бахтиярова выманить, – посетовал Полковников, почесывая свою лысину. – После прошлой вылазки он может надолго затихнуться.

– А что тут думать! – возразил старший лейтенант.

Подполковник с капитаном переглянулись.

– Кабир Нафизович только что подсказал нам.

– Что я подсказал? – не понял капитан.

– Оптические системы используются для охраны высших лиц государства.

– Ну-ка, ну-ка... – подполковник потер ладони, уже понимая, что задумал старший лейтенант. – А что? По крайней мере, на сегодняшний день это единственный реальный вариант. Другого мы не имеем. Тем более что информация о Бахтиярове у нас вполне конкретная – он уничтожает полицейских, военных, прокуроров и прочих, кто относится к силовым структурам. Можно попробовать выманить. Только как ненавязчиво «дезу» прогнать?»

– Это всегда самое сложное. Будем думать, товарищ подполковник, – пообещал старший лейтенант, как утешил.

– Соображайте. От нас требуют срочного результата. Полиция не справилась. Надежда только на нас. Будем долго думать, он еще кучу полицейских «навалит». А хорошо бы не только снайпера уничтожить, а и всю банду. Но это задача-максимум...

* * *

Чтобы все обдумать, требовалось «перелопатить» большой объем разведывательной информации, собранной агентурой ФСБ и полицейскими «стукачами». Капитан Исламбеков позвонил в казарму, раздобыв номер, видимо, у дежурного по комендатуре, и пригласил старшего лейтенанта Солмагарова к себе, поскольку побоялся, что все имеющиеся у него документы не поместятся в машину. Хотя это, наверное, было шуткой. Тем не менее командир взвода спецназа ГРУ пообещал срочно прибыть. Но для удобства старшего лейтенанта, который еще не окреп полностью после госпиталя, капитан пообещал прислать свою управленческую машину. И назвал ее номер.

Олег Павлович быстро собрался и вышел к воротам, чтобы встретить машину. Оказалось, Исламбеков выслал машину раньше, чем позвонил, и автомобиль уже стоял у ворот, а водитель-прапорщик ФСБ беседовал с дежурным по КПП старшим лейтенантом комендатуры, разглагольствуя о дождях, которые под конец нынешнего лета, уже в преддверии ранней осени, накрыли не только срединную Россию, но даже Северный Кавказ. А возможно, и не только Северный.

– Похоже, и снег ранний навалит, – предположил прапорщик.

– Я тоже таких затяжных дождей не помню, – вместо приветствия сказал старший лейтенант. – Если машина за мной, то поехали, пока новый дождь не начался. А то еще и снег, который вы обещаете. Дороги закроют.

– Видимо, за вами, товарищ старший лейтенант, – сказал прапорщик, – если к капитану Исламбекову.

– К нему самому.

– Тогда поехали. Вообще-то моя машина ни снега, ни дождя не боится.

«Уазик» шустро побежал по раздолбанной и грязной дороге, не заботясь о том, что в нем трясется человек, который не совсем еще здоров. И Солмагаров опять подумал, что лучше бы ему было отказаться от «уазика» и поехать на БМП или бронетранспортере, как думал еще утром. Но он был не в том звании, чтобы выбирать себе средства передвижения, и приходилось удовлетворяться тем, что есть. Путь, впрочем, был недлинный.

В кабинет капитана Исламбекова Олега Павловича проводил опять помощник дежурного по управлению. После стука в дверь последовало приглашение. Капитан был один и сидел он за компьютером, а не за рабочим столом перед ворохом бумаг.

– Вы, Кабир Нафизович, мне угрожали этим обилием информации? – кивнул Солмагаров на компьютер. – Там, как я понимаю, информации – залежи.

– Примерно этим. Есть еще кое-что в бумажном виде, но это дела давние, еще не заложенные в память сервера, хотя оставлять их без внимания мы тоже не имеем права. Какая-то зацепка может быть и там. Предлагаю разделить работу. Что выбираете – компьютер или бумаги?

– Я чужие компьютеры не люблю, информация с бумаги мне как-то легче дается. Читать еще в детстве научили, за что я родителям благодарен.

– Тогда предоставляю вам в распоряжение свой собственный стол. Кстати, о родителях. Там, в бумагах, есть много донесений об отце нашего Снайпера. Боюсь, что около четверти. Их сразу следует отсеивать, чтобы не путаться.

– А кто у него отец?

– Обычный человек, награжден был медалью, когда от чеченцев отбивались. Сейчас уже, кажется, на пенсии. Но характер у старика, наверное, боевой. До сих пор с полицией конфликтует. Потому и донесений на него так много. И даже относительно свежие есть.

– Я разберусь. Что будет непонятно, спрошу. А непонятное наверняка окажется. Я же мало знаю о ваших местных традициях и событиях. Все понять не смогу.

– Буду рад подсказать.

Капитан показал на свой стол, открыл сейф у стены и выложил на настольное стекло в самом деле кипу бумаг, которые прочитать, наверное, можно было далеко не сразу, и даже не за один день. Это и вызвало вздох старшего лейтенанта, который уже усаживался за стол.

– Я думал, вы по телефону пугали... – оценил он величину стопки.

– Я сам сильно перепугался, когда мне все это из «секретки» принесли. Кстати, на обратной стороне каждого документа штамп проставлен. Там в очередной графе после моей подписи свою поставьте, что ознакомились, номер воинской части и должность укажите. С меня требуют...

– Знакомая бюрократия, – согласился старший лейтенант. – У нас тоже без этого никуда. В режимных подразделениях как-никак служим.

Читать документы Солмагаров начал подряд, начиная с верхнего в стопке. Капитан Исламбеков несколько раз оборачивался и через плечо посматривал на старшего лейтенанта и увидел, что тот раскладывает бумаги на три отдельные стопки. Но прерывать вопросом работу коллеги не стал. И только вздыхал, возвращая взгляд к монитору, хорошо понимая, что лишь в кино работа оперативников ФСБ и офицеров спецназа ГРУ заключается в стрельбе, погонях и схватках, и ни один сценарист не догадывается, что стрельба, погони и схватки – это, грубо говоря, «выпуск пара» после многодневного, нудного и порой бесполезного перелопачивания кучи всяких документов. Конечно, это квинтэссенция их службы. Но сама служба заключается, в первую очередь, в аналитической подготовке к проведению каждой операции. Бывают, естественно, ситуации, когда действовать приходится наобум, без подготовки, бывают, когда вообще работа разворачивается по горячим следам, но это гораздо реже. А обычно каждой погоне предстоит быть логически организованной завершающей фазой тщательной и кропотливой работы с документами. По крайней мере, для оперативников ФСБ дело обстоит именно так.

– А вообще-то кто-нибудь когда-нибудь систематизировал эти бумаги? – спросил наконец старший лейтенант спецназа, потирая уставшие глаза. Для его еще не переставшей болеть головы это была очень большая нагрузка. Марш-бросок во главе взвода давался Олегу Павловичу легче, чем бумажная работа. В самом спецназе бумажной работой чаще занимаются

штабы, где сидят люди, имеющие к этому склонность и привычку. Но в этот раз взводу Солмагарова предстояло работать вместе с операми ФСБ и самому принимать участие в подготовке будущих действий. Это, конечно, нудно, но необходимо.

Капитан Исламбеков повернулся вместе с вертящимся офисным креслом и увидел, что на столе появилась уже и четвертая стопка документов.

– Насколько я понимаю, оперативная работа с ними не проводилась. Документы передавались для ознакомления определенным людям, докладывались начальству, а потом отправлялись в соответствующие папки с досье на человека или на события. Снайпера включили в оперативную разработку после двух последних вылазок банды Бахтиярова. Тогда же меня поставили на это дело. Но мне пришлось полторы недели завершать старые дела, уже почти готовые для передачи в военную прокуратуру, откуда они должны были уйти в суд. И только после этого я включился в работу всерьез и доложил о потенциальной опасности, которую представляет снайпер. На мой взгляд, он один опаснее всей остальной банды, включая эмира Абдулмалика.

– Понятно.

– А что вы за сортировку провели, Олег Павлович?

– Одна стопка, самая большая, – Солмагаров положил на самую большую стопку руку, – касается только одного Снайпера. Вторая, – рука перешла на другую стопку, чуть меньшего размера, – только его отца. Третья, – ладонь легла на новые документы, – возможные связи и контакты отца и сына. Последняя, самая маленькая, на контакты Бахтиярова. Но здесь документы, исключительно касающиеся и Бахтиярова, и Снайпера. Из чего я делаю вывод, что где-то существует еще досье и на самого Бахтиярова, и, может быть, даже более объемное, чем на Снайпера. А выманить снайпера мы сможем только в случае, если выманить Бахтиярова. Так что нам предстоит большая работа. Есть отдельное досье на эмира?

– Есть, но им занимается другой человек.

– На мой взгляд, это неразумно. Подобные дела следует объединять в одно производство.

– Снайпер – слишком значимая фигура, чтобы считать его второстепенным лицом в деле Бахтиярова. Он – сам по себе более опасен.

– Он сам или его винтовка? – спросил старший лейтенант.

– При чем здесь винтовка? Винтовку можно и сменить, а снайпера такого уровня не сменишь.

– Так вот, по моей аналогии, Бахтияров – снайпер, а сам Снайпер – это только его винтовка.

– Вижу в этом логику и готов согласиться. Значит, вы, Олег Павлович, предлагаете затребовать дело Бахтиярова к нам и объединить в одно производство?

– Я предлагаю включить в нашу группу человека, который занимается Бахтияровым. Он наверняка уже множество документов проработал, и нам не понадобится перелопачивать все снова.

– Не самое простое решение, если учесть личность подполковника Шахабутдинова.

– Кто такой подполковник Шахабутдинов? Чем он вам не нравится, Кабир Нафизович?

– Рекордсмен, майор Адамов, проработавший в его группе, вытянул два с небольшим месяца. Остальные пишут рапорты и переходят на любую другую службу уже через месяц. Файзутдин Турсунович – не просто тяжелый человек. Он очень тяжелый человек. Работоспособный – да. Два ведра зеленого чая выпьет – и двое суток не спит, работает. И других заставляет рядом находиться. Не интересуется ничьим мнением. Все всегда, как считает, знает лучше других. Не позволяет проявлять самостоятельности. Если объединить наши группы, он станет руководителем группы просто по старшинству звания. И мы вообще ничего делать не сможем. Только будем ему докладывать и искать то, что он захочет найти. А это, как другие говорят,

практически никогда невозможно. К тому же он к русским относится как к людям второго сорта.

– Значит, следует просто забрать у Шахабутдинова дело.

– Каким образом? У нас это бывает не так просто. Горцы – народ обидчивый. И один не захочет обижать другого, особенно если другой – сам по себе человек сильный или связи имеет сильные. По крайней мере, я, хотя не самый робкий человек по своей натуре, не стану связываться с Файзутдином Турсуновичем. Это опасно для моей семьи. Если только инициатива будет исходить от спецназа ГРУ, я смогу найти несколько аргументов в пользу передачи дела. Только, может быть, вопрос стоит ставить не о передаче всего дела, а только отдельной документации. Или даже копировании всей документации, поскольку дела наши, можно сказать, смежные.

– И отлично. Я поговорю с нашим командиром отряда. А он пусть пробивает наше предложение через антитеррористический комитет. Более того, если все же возникнет речь об объединении групп, пусть подполковник Полковников официально и возглавит группу. Тогда Шахабутдинов давить на нас не сможет.

– Может быть, это идея, но как давить, Файзутдин Турсунович всегда найдет. У него характер такой. Ему нужно беспрекословное подчинение и уважение подчиненного. Тогда он счастлив. Он не может не быть лидером. Поговаривали, что откуда-то сверху пытались протолкнуть его на должность заместителя начальника управления. Но начальник воспротивился, сказал, что немедленно подаст в отставку при таком заместителе. И все осталось на своих местах. Только ходят слухи, начальника все равно в отставку отправят, а Шахабутдинова повысят в звании и поставят на его место.

– Серьезная поддержка в правительстве?

– Даже не в правительстве. Клановая поддержка. А она всегда сильнее, чем поддержка в правительстве. Это наши республиканские реалии. И слишком многое замешено на клановых отношениях. И на межклановых тоже. Когда два или три клана объединятся, никакое правительство им противостоять не сможет.

– Где-то я слышал эту фамилию – Шахабутдинов. Только вспомнить не могу, где именно, – признался старший лейтенант. – У меня память такая – сам удивляюсь. Но уверен, что слышал. А я в вашей республике человек новый и мало что здесь знаю. С социально-политической обстановкой знаком только по криминальным сводкам, да и то лишь по тем, что до нас доводят. А до нас доводят только тогда, когда планируют использовать в какой-то операции спецназ ГРУ. А где слышал, я вспомню. Память позже подскажет. Но мы этот вопрос с подполковником решим. Нам в работе любая клановость будет только мешать. Ну что, продолжим знакомиться с документами?

Солмагаров пододвинул ближе к себе остатки нерассортированных документов.

– Продолжим, – капитан Исламбеков шагнул к своему компьютеру...

* * *

В первый день работы группы Солмагаров просто просматривал документы и откладывал в определенную стопку. Знал, что бессистемное забивание головы фактами к хорошему не приводит. Можно запутаться в данных, заработать себе тяжелую и изнуряющую головную боль и не получить никакого положительного результата. К сожалению, взять с собой документы он не мог, поскольку все они были учтены в секретном отделении ФСБ и имели гриф секретности. Конечно, грифы тоже бывают разными, и никто не поставит на подобный документ гриф «Особой важности» и даже «Совершенно секретно». Правда, несколько документов были помечены лишь грифом «Секретно», а все остальные маркировались самым низким грифом – «для служебного пользования», то есть были документами только строгого учета.

Но и такие документы капитан Исламбеков не имел права выдать старшему лейтенанту спецназа ГРУ без утвержденного дирекцией акта. А это процесс, при таком количестве документации, длительный и нудный, который, пусть и не всегда выполняется, но большей частью не выполняется, когда люди, работающие совместно, очень хорошо один другого знают. А старший лейтенант с капитаном были знакомы меньше дня. И хотя сказать что-то плохое друг о друге не могли, но и хорошее тоже пока не могли отметить, так как раньше по делам службы не пересекались. И потому предпочитали оставаться в официальных отношениях, обязывающих только к продолжению сотрудничества.

Но старший лейтенант для того и отпрашивался из госпиталя, желая вернуться к своему взводу, чтобы проводить занятия и готовить солдат к боевым испытаниям. Кроме него некому было это сделать так качественно и ответственно. А вместо проведения занятий со взводом Олег Павлович вынужден был просиживать целый день в кабинете капитана, работая с документами, при этом не зная даже точно, даст ли полезный результат эта работа. Но работа военного разведчика во многом и состоит в том, чтобы из множества материалов выбрать тот, что необходим для успешного проведения предстоящей операции. Это тоже следует уметь. А что касается занятий со взводом, то Солмагаров имел на этот случай помощника, старшего прапорщика Факхатуллина, которого многие местные кадры почему-то принимали за своего, услышав фамилию, хотя старший прапорщик – уральский татарин. Впрочем, сам Факхатуллин говорил даже, что татарским его народ стал только в тридцатые годы прошлого века, когда выдавали первые советские паспорта и, не желая путаться со множеством мелких уральских народов, всех стали записывать в татары. Естественно, по директиве сверху. А он в действительности происходил из уральских мещераков, никакого отношения к народностям Северного Кавказа не имеющим.

Старший лейтенант расписал подробный план занятий, как расписывал для себя, находясь со взводом. Старший прапорщик по натуре своей был человеком аккуратным и исполнительным, и положиться на него можно. Сомнение было только в его собственной подготовке. Но здесь уже, по устному распоряжению командира взвода, должен был оказывать помощь старший сержант контрактной службы, замкомвзвода Рязанцев. Сережа Рязанцев своей боевой подготовкой мало в чем уступал командиру и старшему прапорщику всегда может оказать нужную помощь. Кроме того, согласно приказу командира сводного отряда Полковникова к взводу должны были уже прикомандировать две пары снайперов. Старший прапорщик Факхатуллин сам обязан их подобрать по своему усмотрению. И начать готовить, согласно плану старшего лейтенанта, вместе со взводом.

Тем не менее уже после обеда, а пообедали капитан со старшим лейтенантом во внутренней столовой ФСБ, Олег Павлович начал все больше и больше отвлекаться от документов, которые перед ним лежали, и думать о делах во взводе. И потому некоторые документы ему приходилось просматривать дважды. И в конце концов Солмагаров решился:

– Ладно, Кабир Нафизович, на сегодня с меня бумажной работы хватит. Мне еще со взводом боевой подготовкой заниматься нужно. Побегу я...

– Машину вызвать? – не решился возразить капитан Исламбеков, поскольку понимал значение боевой подготовки для солдат спецназа.

– Это было бы отлично.

– Когда вас ждать?

– Если машина будет, хорошо бы сразу после завтрака к воротам подогнать.

– Машина будет, – пообещал капитан.

Солмагаров вышел на улицу, чтобы на крыльце дожидаться автомобиля. Моросил дождь. Старший лейтенант посмотрел на часы. Если память его не подводила, взвод должен сейчас тренироваться в спортзале комендатуры на привезенном спецназовцами с собой и смонтиро-

ванном в торце спортзала на стене скалодроме. Это лучше, чем мокнуть под дождем, хотя дождя тоже бояться не следует. Сахарных спецназовцев не бывает.

Машина выехала из-за угла здания, где располагались ворота внутреннего двора, уже через пару минут...

Глава вторая

– Эмир, мне бы домой хотя бы на ночь наведаться. На ночном прицеле оба аккумулятора на нуле. Значит, ночной прицел вообще не пригоден к использованию. Зарядить нужно. И маму навестить. Как там она?..

Эмир ремонтировал маленькую дизельную электростанцию, которой пользовались в основном для подзарядки аккумуляторов телефонных трубок. Что-то в станции «полетело», и не было возможности зарядить не только трубки, но и аккумуляторы ночного прицела «винтореза» – основной и запасной, который, как считал Снайпер, всегда должен быть наготове, поскольку ночной прицел «ест» много энергии.

– Если бы было плохо, тебе позвонили бы, – успокоил Бахтияров Снайпера. Эмир говорил, как обычно, тихо и вдумчиво, не произнося лишних слов. – Но аккумуляторы подзарядить нужно, согласен. Винтовку с собой не берешь?

– Зачем она мне дома? Соседских кур я даже в детстве не стрелял. Винтовка почищена и смазана, пусть на месте лежит. Да и увидит кто с винтовкой, могут «настучать». А пистолет под одеждой не заметен. И гранаты на поясе тоже.

– Хорошо. Когда пойдешь?

– Лучше бы сейчас, чтобы к утру вернуться.

– Договорились. Иди. Про осторожность не забывай. Если что, звони. Мой телефон пока работает. Хотя аккумуляторы уже на издыхании.

Эмир Абдулмалик Бахтияров погладил испачканной в масле рукой дизельную станцию по кожуху, словно ласково уговаривал ее поиметь совесть и заработать. Но механизм, похоже, требовал вмешательства умелого механика или электрика, а не бывшего музыканта, ставшего полевым командиром. Но механика и электрика в джамаате не было, и эмиру приходилось обходиться своими силами. О дизелях он знал мало, да и то только об автомобильных, поскольку имел когда-то автомобиль с дизельным двигателем. Этих его знаний откровенно не хватало, чтобы починить то, что было необходимо.

– Забывать про осторожность я не умею, эмир.

Ответ прозвучал как упрек.

И Бахтияров безоговорочно признал свою неправоту. Снайпер в самом деле никогда не забывал про осторожность и не считался в джамаате приверженцем даже обоснованного риска. А без этого риска ни одной стоящей операции не бывает.

Снайпер вышел, благодарный эмиру Абдулмалику за разрешение отлучиться. Эмир хорошо знал, что у Снайпера тяжело болеет мать, и потому отпускал его домой чаще, чем других. И только потому, что сам Снайпер передал Абдулмалику просьбу матери. Ни разу ее в глаза не видевший, Бахтияров принял участие и согласился.

Дежурный наблюдатель сидел у выхода из их темной отрядной «норы». Наружу был выставлен перископ, позволяющий просматривать вход в ущелье. При необходимости перископ легко убирался под камень, и место, где он поднимался, оставалось по-прежнему неотличимым от любого другого места, точно так же, как и вход в саму нору.

– Открывай, – потребовал Снайпер.

Дежурный готов был слушаться Снайпера так же, как слушался самого эмира Абдулмалика. Так тот себя поставил в джамаате, хотя по возрасту был моложе всех других. Но авторитет не всегда зависит от возраста. Этот авторитет особенно поднялся, когда Снайпер, даже не спросив согласия эмира Бахтиярова, сам расстрелял двух новых бойцов джамаата. Парни приехали из Центральной России, хотя по национальности были дагестанцами. Уголовники, имевшие по несколько «ходов». Они привыкли, что в России, где полиция такая же коррумпированная, как и дома, чувствовать себя свободно и безнаказанно, надеялись на такую же сво-

боду и безнаказанность и в своей республике. И во время первой же операции решили ограбить дом сельского бизнесмена. Эмира рядом не было. Он руководил другой группой. Тогда Снайпер сам застрелил их. Никто Снайпера не осудил. А эмир Абдулмалик только похвалил, когда услышал, по какой причине прозвучали два этих выстрела. И сказал, что сам бы приказал поступить с грабителями так же, как поступил Снайпер.

– Если мы свой же народ будем грабить, за кого тогда мы воюем? За себя, любимых? Кому это надо? И чем тогда мы лучше воров и бандитов? И кто нас тогда поддерживать будет? Кто подарит нам своего барана, кто хлеба испечет?

Больше уголовников к себе в джамаат эмир не брал. А по слухам, пришедшим в джамаат, в селе, где был убит глава местной администрации вместе с участковым полицейским и где Снайпер не позволил уголовникам ограбить бизнесмена, стали очень уважать эмира Бахтиярова. Значит, там, при необходимости, уже можно ожидать поддержки.

– Ты домой? – только спросил дежурный, взявшись за рычаг, которым наполовину отвалился входной пустотелый камень-валун.

Пойти на задание без своей винтовки снайпер не мог, и потому вопрос был вполне уместным. Абдулмалик часто отпускал своих бойцов в короткие отпуска. Считал, что свой дом и свои семьи следует любить и нельзя оставлять надолго. Именно потому он никогда и не покидал пределы своего района – заботился о своих бойцах. Хотя у самого Бахтиярова семья жила в Ростове-на-Дону и он ее не навещал уже несколько лет. О себе он заботиться забывал.

– Домой. До утра. Маму навестить нужно.

– Здоровья ей.

Оказывается, в джамаате уже все знали, что у Снайпера тяжело болеет мать.

Камень отвалился. Снайпер выбрался на четвереньках, потому что иначе выбраться из отрядной «норы» из этого выхода было невозможно. Впрочем, как и забраться внутрь. Делалось это умышленно в целях безопасности. Правда, нора имела еще два выхода, где можно было выбраться, не пачкая штаны на коленях. Но оба они вели не на дно ущелья, а на склоны хребта. Подойти к этим выходам со стороны было невозможно – слишком крутым был подъем. А вот сразу за каждым из выходов была оборудована площадка с бруствером, сложенным из камней и скрепленных цементным раствором. С этих площадок было легко расстреливать тех посторонних, предположительно, ментов или еще каких-то силовиков, кто попытается войти в «нору» через нижний вход. Правда, и самим бойцам джамаата добираться к верхним выходам было сложно. Требовалось ползти, переходя от щели к щели, и постепенно взбираться на нужную высоту. Уж тут-то не испачкать штаны на коленях было невозможно.

Выбравшись наружу, Снайпер сначала осмотрелся, а когда глаза привыкли к дневному свету, встал в полный рост. И все равно он еще долго подслеповато щурился, несмотря на то что день был хмурым и только после «норы» казался ярким. Привыкший за множество дней постоянно находиться во мраке или в полумраке, Снайпер не сразу мог адаптироваться к естественному свету. Но это его не расстраивало. Даже дикие звери – настоящие дети природы – выбираясь из норы, не сразу все различают при дневном свете. Требуется время. Снайперу хватило пары минут.

До выхода их ущелья в долину было около полутора километров. Восемьсот метров прямого пути, потом поворот и еще семьсот метров. Снайпер не торопился, хотя и не мешкал в пути.

* * *

Выйдя из ущелья, Снайпер начал проявлять повышенную осторожность. Сначала он спрятался за скалами и внимательно осмотрел долину в обе стороны. Потом и на саму скалу забрался, благо это было нетрудно. Оттуда можно посмотреть и дальше. Опасности он не уви-

дел. Разве что она скрывалась за несколькими группами таких же скальных выступов, разбросанных по долине в разных концах. Это место всегда считалось опасным, потому что невозможно определить, кто среди скал или за ними укрылся. А скалы лежали как раз на прямом пути, который предстояло преодолеть Снайперу. И потому он не пошел прямым путем, а двинулся в сторону, огибая отроги нескольких хребтов, извилистыми языками, сползающими в долину с одного ее края. Другой край долины отсюда виден не был. Но Снайпер хорошо знал, что там сам хребет расположен перпендикулярно этим хребтам и тоже имеет отроги, но короткие и не образующие ущелья.

– Так будет лучше, – сказал он сам себе.

Пройдя около шести километров, как делал иногда, но не всегда, Снайпер решил и свернул влево, огибая по большой дуге скалы, представляющие опасность и дающие возможность устроить там засаду на человека, выходящего из ущелья.

– Да, уже, кажется, пора, – опять заговорил он сам с собой и побежал. Не быстро, чтобы не устать, но и не задерживая умышленно свой бег, чтобы сберечь силы. Он свои силы знал и уверен был, что такой бег выдержит. Впрочем, бежать все дорогу так он не собирался. Он собирался таким образом только пересечь самое открытое и самое опасное место.

Скалы остались далеко слева. Впереди из земли выступала только одна большая и высокая, как башня, скала. Спрятаться за ней было можно, но на саму скалу никто и никогда не забирался. Это было невозможно даже для спортсмена-скалолаза. Много лет назад, когда снайпер был еще мальчишкой и когда в Дагестане было спокойно, и, если здесь стреляли, то только отстреливались от чеченцев, которые пытались проникнуть в Дагестан, к ним в район приехала республиканская команда скалолазов, готовящаяся к проведению каких-то международных соревнований. Спортсмены искали место для тренировок. Рассказывали, что изначально они облюбовали именно эту самую одиночную скалу. Но, проведя несколько попыток подняться, бросили свою затею и уехали в соседний район. Здесь было и тренироваться трудно, да и опасно, поскольку Чечня находилась прямо под боком и неизвестно, когда оттуда могут пожаловать гости.

– Сегодня никто не пожалует, – сам себя успокоил Снайпер. – Погода не располагает...

Привычку разговаривать с самим собой он приобрел давно, еще до того, как стал снайпером. Он не дружил со сверстниками и вообще мало с кем общался в жизни, кроме своих родных. Единственный мальчик в семье считал, что с шестью сестрами ему, будущему мужчине, и говорить не о чем. Но общение с кем-то необходимо любому человеку. И Снайпер выдумал себе какое-то неведомое существо, которому иногда задавал вопросы и которое ему отвечало его же голосом. Со временем, по мере взросления, задавать вопросы неведомому существу он перестал, но по-прежнему разговаривал сам с собой. Его это не смущало. Эти разговоры происходили только тогда, когда он оставался один. Значит, не смущала эта привычка и окружающих его людей.

– Может, хватит ноги уродовать? Да, пожалуй, набегался уже...

Снайпер перешел на быстрый шаг. Плавню перешел, без остановки, обязательно сбивающей дыхание. Он никогда в жизни не курил, ни разу в жизни не напивался и вообще не имел привязанности к вину, а запах водки вызывал в нем отвращение, как и люди, от которых пахло спиртным. И потому легкие имел мощные, хотя спортом регулярно и не занимался, только борьбой в детстве. Но кто найдет такого дагестанца, который не занимался бы в детстве борьбой? Короче говоря, усталости, даже после пробежки на дистанции около четырех километров, Снайпер не чувствовал. И быстрый шаг позволял ему сохранить дополнительные силы, которые мог бы отнять дальнейший бег.

Одиночную скалу он тоже огибал по большой дуге, метрах в пятидесяти от ближайшего места, где мог бы укрыться какой-нибудь стрелок. Здесь, конечно, присутствовало нервное напряжение. Как не занервничает, когда быстро идешь и постоянно ждешь выстрела, и дер-

жишь себя в напряжении, в готовности после выстрела сразу же сделать стремительный скачок и залечь, перекатиться куда-то, чтобы там замереть. При этом глаза автоматически отмечали на пути впереди все, что могло бы послужить укрытием в случае необходимости спрятаться.

Снайпер не боялся. Он от природы своей не был трусом. Но он очень ценил себя, ценил не меньше, чем ценил его эмир Абдулмалик Бахтияров, чем другие бойцы джамаата, и потому не желал стать мишенью для случайного выстрела. Опасения в том, что силовики могут устроить засаду, – не было. Силовики и засады устраивать, по мнению Снайпера, то ли не умеют, то ли просто не любят. Они с осознанием своей силы и численного преимущества идут в поиск, а не засады ставят. Идут и нарываются на пули Снайпера. Но у эмира Бахтиярова слишком много других врагов, недовольных его сильно возросшим авторитетом где-то там, за пределами российской границы. Там Абдулмалика Бахтиярова уважают и ценят, и снабжают деньгами, на которые многие эмиры рты разевают. Вот они-то и могут устроить засаду, зная, что Абдулмалик часто отпускает своих людей по домам. А убить людей Бахтиярова – это значит ослабить самого Абдулмалика. Так, совсем недавно кто-то пытался выставить мины на выходе из ущелья. Прямо перед последним поворотом, как только кончаются камни, усыпающие дно. Хорошо, что дежурный за перископом не спал и увидел это. Позвал эмира. Эмир посмотрел и отправил Снайпера. Подходить близко Снайперу необходимости не было. Двоих он успел застрелить, двое вовремя спохватились, хотя выстрелов не слышали, и сбежали, бросив тела погибших. К сожалению, опознать тела не удалось. Эмир Абдулмалик приказал тогда пришельцев похоронить, чтобы трупы не достались падальщикам.

Бахтияров даже врагов своих уважал, за что и его уважали люди...

* * *

Оставив скалу за спиной, Снайпер тем же быстрым шагом удалился в сторону хорошо ему знакомой проселочной дороги и быстро, меньше чем за полчаса, добрался до ближайшего большого села. Уже начинало темнеть, когда он зашел на склон холма позади огородов и, спрятавшись среди камней на языке осыпи, вытащил телефон и набрал номер. Ответили ему не сразу. Снайпер видел, как внизу, во дворе, за которым он наблюдал, вышла из дома на крыльцо женщина, что-то прокричала, и на ее зов из гаража торопливо выбежал мужчина. Женщина передала ему мобильник. Человек внизу сразу приложил телефон к уху и ответил:

– Здравствуй, Заур! Слушаю тебя, дорогой.

– Дядюшка Абдулазиз, здравствуй. Ты не сможешь меня до дома довезти? Мама болеет, хочу навестить.

– Святое дело, племянник. Как я могу отказать в такой просьбе. И отвезу, и назад привезу, когда скажешь. Что мне, старику, делать? Времени свободного много.

Абдулазиз никогда не отказывал, когда Снайпер собирался ехать домой. Езды два часа по разбитой дороге. Только однажды, когда Абдулазиза не было дома, куда-то по делам уехал, Снайперу пришлось идти пешком. Он пытался тогда остановить на дороге проходящий мимо автобус, но водитель не решился взять пассажира. Пришлось и дальше стаптывать башмаки. Но ничего, к утру добрался. Потом позвонил эмиру, и Бахтияров разрешил задержаться еще на сутки.

– Я через пять минут спущусь к твоему огороду, дядюшка.

– Я жду тебя. Чай пить будешь? Тетушка Аймагуль испекла пирог с курицей. Захочет тебя угостить. Не обижай ее.

– Дядюшка Абдулазиз, я к маме тороплюсь. Уважаемый Абдулмалик отпустил меня только на одну ночь. Я буду благодарен тетушке, если она даст мне кусочек на дорогу.

– Хорошо. Приходи. Тетушка сейчас что-нибудь тебе приготовит. А я пока залью бензин в машину и заведу.

– Иду...

Снайпер начал спускаться и видел, как родной старший брат его отца сказал что-то тетушке Аймагуль, та всплеснула руками и поспешила в дом, а дядюшка Абдулазиз снова ушел в гараж. И когда Снайпер уже перешагивал через низкий каменный заборчик, защищающий огород от соседских, видимо, коз, он увидел, как распахнулись ворота гаража, и старенькая машина уже с зажженными фарами выехала во двор. А тетушка Аймагуль уже вышла из дома и поставила на заднее сиденье машины большой пластиковый пакет со всякой снедью. Тетушка любила вкусно готовить и еще больше любила обильно угощать. Такого пакета с едой хватило бы на целый день всему джамаату. Конечно, пирог хорош, когда он горячий. Но бойцы джамаата будут рады и холодному, когда Снайпер принесет пакет в «нору».

Ближайшие соседские дома пустовали и смотрели на мир темными пыльными стеклами. Хозяева куда-то уехали. Видимо, как и многие, переселились в город к детям, и Снайпер не боялся, что его увидят. Если и увидели раньше на склоне из дальних домов, то вечерний сумрак не позволил рассмотреть, кто там ходит. А когда он спустился со склона к огородам, его и подавно никому видно не стало.

Огород у тетушки Аймагуль был ухоженный. Вокруг каждой грядки выложен деревянный короб, сколоченный из толстых досок, как опалубка для земли. И Снайпер аккуратно прошел между этими коробами через весь огород ко второму каменному забору, уже более высокому, чем первый. Но здесь и перешагивать, и даже перепрыгивать необходимости не было, потому что металлическая калитка легко открывалась. Двор выложен тротуарной плиткой. Дядюшка Абдулазиз всегда был хорошим хозяином и при встрече упрекал младшего брата за то, что у него неблагоустроенный двор и подсобное хозяйство. Отец Снайпера с улыбкой отмахивался:

– Мне жить недолго осталось. Да и не до того. Других забот хватает. А когда сын здесь хозяином станет, он порядок наведет.

Отец всегда был уверен, что Снайпер через какое-то время вернется в отчий дом. И вернется чуть ли не со славой. И это несмотря на то, что знал прекрасно – сын его находится в федеральном розыске. При этом говорил, поддерживая сына, что в мире не бывает несменяемых правителей и неизменяемых времен...

* * *

Дорога была хорошо знакома Снайперу. Он сидел на переднем пассажирском сиденье «Волги», привычно едущий по ухабам, которых в свете фар было гораздо больше, чем при естественном освещении. При въезде в соседнее село стояла полицейская машина. Два полицейских находились рядом. Снайпер сжал ладонью рукоятку пистолета, но дядюшка Абдулазиз мигнул фарами, переключая свет с дальнего на ближний и обратно, приветствуя, видимо, знакомых, и их даже не попытались остановить для проверки. Дядюшка был известным в этих местах как бывший директор совхоза. Это знали и помнили если не все, то многие и относились к отставному директору ныне не существующего совхоза уважительно и не беспокоили понапрасну.

Угроза миновала, не успев созреть до критического уровня.

– Развелось этой падали... – сказал дядюшка. – А ты что, стал бы стрелять?

– А что мне оставалось бы делать? – спокойно спросил Снайпер.

– Они же в бронежилетах, с автоматами.

– Я стрелял бы в голову.

– В голову легко промахнуться.

– Я никогда не промахиваюсь.

Это было сказано убедительным тоном, не терпящим возражений, и дядюшка поверил, что это не хвастовство, хотя и удивился решительным ноткам в голосе племянника, который

когда-то мальчишкой сидел у него на коленях и вертел руль этой самой машины, считая, что сам управляет автомобилем. При этом репутация эмира Бахтиярова подтверждала сказанное Зауром. Бахтияров не будет держать у себя болтунов и никчемных людей. Да и по возрасту можно было положиться на решительность и твердость руки племянника.

Проехав насквозь большое село с освещенной главной улицей, «Волга» двинула дальше. На въезде в следующее село полицейской машины уже не было. И вся оставшаяся часть пути тоже прошла без ненужных встреч, вплоть до родного села Снайпера. Только там, на улице, когда дядюшка Абдулазиз просигналил у ворот и отец вышел открыть их, Снайпер сам выбрался из автомобиля, чтобы помочь отцу, мимо них проехала машина. Не полицейская, обычная. Снайпер оглянулся и посмотрел на номер.

– Это старый Муцалхан Надинов, – сказал отец, видя обеспокоенный взгляд сына. – Придержи створку, а то ветром дверцу помнет.

«Волга» въехала во двор...

* * *

Отец проявлял приличествующую мужчине сдержанность. Он вообще всегда выглядел более суровым человеком, чем его старший брат. Мать обрадовалась приезду сына и даже пыталась встать с постели, но Снайпер предпочел не беспокоить ее, взял стул и сел рядом, взяв руку матери в свою ладонь. Они молчали, но понимали друг друга и без слов. Потом самая младшая сестра Снайпера, еще не замужняя, живущая с родителями, Бислимат, заменявшая на кухне больную мать, позвала брата к накрытому столу, за который уже уселись отец и дядюшка Абдулазиз. Мать погладила Снайпера руку:

– Иди, сынок, иди. Потом еще со мной посидишь. Когда ты в доме, мне легче дышится.

Мать страдала от туберкулеза внелегочной локализации, или же спондилита, как правильно назывался туберкулез спинного мозга, но, видимо, и с легкими у нее было не все в порядке, и потому дышала она тяжело, часто и неровно. И жаловалась не на боли в спине, а чаще на боли в груди. Врачи говорили, что болезнь эта неизлечима. Они ничего поделать с матерью не могли и даже не обещали ее спасти. И потому выписали из туберкулезного диспансера домой умирать в кругу родных, обещая скорый полный паралич, что будет предвестником смерти. Дома матери стало легче, чем в диспансере, и родные надеялись уже на общее улучшение течения болезни, но за улучшением сразу последовало ухудшение, и надежда на то, что мать встанет, пропала.

Снайпер вышел, а на его место с подносом села сестра Бислимат, желающая покормить маму. Снайпер посмотрел на поднос и удивился малому количеству еды. Такой порцией даже голубя не накормишь. Но, видимо, больше съесть мать не могла.

Снайпер сел за стол спиной к окну. Во главе стола сидел отец, напротив снайпера – дядюшка Абдулазиз. Но не успел никто приступить к еде, как Снайпер заметил взгляд дядюшки, устремленный поверх его плеча в окно. Снайпер резко повернулся и успел увидеть чье-то лицо, метнувшееся от стекла. Но глаза их все же встретились. И глаза, и лицо показались Снайперу знакомыми, хотя узнать человека он не смог, слишком близко любопытный наблюдатель приблизился к стеклу и расплющил о стекло нос, а потом слишком быстро метнулся в сторону. Как тут узнаешь? Но встречаться со знакомыми Снайпер не желал точно так же, как эти знакомые не желали встречаться с ним...

Глава третья

«Уазик» быстро преодолел дорогу до комендантского городка. Водитель был уже другой, хотя машина та же самая. И звание у этого водителя было, как и у прежнего, прапорщик. Но если с прежним водителем можно было поговорить, то этот всю дорогу угрюмо молчал и даже на вопрос, кто утром приедет за Солмагаровым, только пожал плечами и отделался двумя словами:

– Кого пошлют...

Внешность у прапорщика была славянская, но говорил он с явным кавказским акцентом. Впрочем, старший лейтенант уже давно замечал, что славяне, выросшие в республиках страны, часто говорят с местным акцентом.

Впрочем, это мало занимало старшего лейтенанта, как и сама личность прапорщика. Голова была загружена другим. Отпустив машину у КПП комендатуры, Солмагаров прошел внутрь и сразу двинулся в спортзал, расположенный неподалеку от КПП. Свой взвод он нашел именно там, где и ожидал найти, хотя и не все в подразделении шло так, как планировал сам командир. Замкомвзвода старший сержант Рязанцев проводил со взводом занятия на скалодроме, с двумя секундомерами в руках отмечая «прохождение дистанции» каждым из солдат и сержантов, и записывал результат в тетрадь. А старший прапорщик Факхатуллин с четырьмя солдатами у противоположной торцевой стены зала, в самом практически углу, занимался элементарным отжиманием от пола. Олег Павлович какое-то время понаблюдal за занятиями из дверей, расположенных в центре боковой стены. Солдаты, принимая попарно старт из положения лежа, на бегу забрасывали за спину автомат, пробегали через весь зал и взбирались по скалодрому до верха, откуда спускались по канату и бежали назад, к исходной точке, уже с автоматом на изготовку.

Это все было обычным и понятным, и Рязанцев работал со взводом точно так же, как раньше работал сам командир взвода. Но совсем непонятная картина наблюдалась в углу, где занятиями руководил старший прапорщик Факхатуллин. Там снайперы подобранной им группы отжимались от пола. Казалось бы, обычное дело. Но во взводе спецназа ГРУ обычным делом считается простое отжимание, повторенное двести раз, или пятидесятикратное отжимание рывком, с хлопком в ладони между каждыми двумя отжиманиями. Но старший прапорщик давал нагрузку снайперам в десять отжиманий. Это неприятно поразило Солмагарова, и он даже не сразу вошел в зал, не понимая, как это воспринять.

Но все же вошел и сразу позвал Факхатуллина, который тут же его заметил. Тот не просто подошел, а подбежал, демонстрируя то ли свою спортивную форму, то ли свой спортивный костюм.

– Александр Латыпович, – тихо сказал старший лейтенант, не желая ронять авторитет старшего прапорщика и стараясь, чтобы со стороны никто его не услышал, – вы что здесь детский сад устраиваете?

– Не понял, Олег Палыч. При чем здесь детский сад?

– Я про отжимания. Вы не знакомы с нормой нагрузок в спецназе? Вместо двухсот отжиманий вы сколько выполняете?

– Знаком. Но вы, товарищ старший лейтенант, не знакомы с нормой нагрузок для снайперов. Снайперу, во избежание закрепощения мышц, не рекомендовано поднимать груз более двадцати пяти килограммов. Каждый из моих снайперов весит около семидесяти. Учитывая, что при отжимании они опираются о пол носками ног, нагрузка в любом случае превышает допустимую. Даже если они затрачивают усилие в тридцать пять килограммов, умножим это на десять и получаем, что они переусердствуют. Хотя и не намного. Все делается по инструкции по подготовке снайперов, товарищ старший лейтенант.

Старший прапорщик Факхатуллин говорил чрезмерно сухо и официально, готовый, наверное, к подобному протесту командира взвода. И желал отстоять нормы нагрузки для снайперов. Однако Солмагаров с этим согласиться не мог и имел к тому причины.

– Вы знаете, к какой операции мы готовимся? Взвод вместе со снайперами...

Старший прапорщик передернул плечами, удивляясь вопросу.

– Мне не объясняли. Сказали только, что операция завязана на уничтожении бандитского снайпера. По идее, если он в одиночестве работает, вполне хватило бы одной пары наших снайперов. Если у бандитского снайпера есть напарник, лучше всего, конечно, задействовать две пары. Снайперская пара, я объясняю, это классическая величина в снайперском искусстве.

– Я знаю. Бандитские снайперы чаще всего, кстати, работают поодиночке. Это не говорит о том, что они плохие снайперы, а говорит о том, что не имеют, видимо, возможности держать у себя снайперскую пару. Да это и нецелесообразно, потому что против снайперов они, как правило, не работают, а если работают, то только против одиночных.

– Я в курсе. Я даже их тактику и манеру стрельбы изучал по документам и могу с уверенностью сказать, что у бандитских снайперов американская школа подготовки стрельбы.

– В Америке учились? – удивился старший лейтенант.

– Вовсе не обязательно. Американская школа обучения стрельбы снайперов применяется во многих арабских и азиатских странах. У нас школа принципиально иная. Они стреляют, как на охоте или же как в тире, мы же тактическими приемами вызываем противника к открытию и тогда стреляем. Больше на ловушках работаем. У нас еще советская школа, отработанная за годы Великой Отечественной до совершенства.

– Это все меня мало касается, Александр Латыпович. Я о другом с вами говорю. Мы вместе пойдем в горы. Не на прогулку по набережной, а конкретно в горы. Именно поэтому я составил расписание с усиленными занятиями на скалодроме. Много придется по скалам ползать и взбираться на различные высоты. На руках, между прочим, взбираться, – старший лейтенант кивнул в сторону скалодрома, где два солдата, упираясь ногами в петли, цеплялись руками за другие петли и подтягивались, взбираясь вверх по вертикальной стене. – Как нам придется поднимать на скалы ваших снайперов? На своих плечах?

Старший прапорщик не нашел что ответить.

– Вот потому я и попрошу, а в боевых условиях, в которых мы, кстати, находимся, просьба командира всегда рассматривается как приказ, перейти на нормы спецназа при физической подготовке снайперов. Кстати, откуда сами снайперы? С нашего бригадного курса или тоже из мотопехоты?

– Я из мотопехоты один пришел.

– Значит, они просто «сачкуют», не объясняя вам, что приучены к спецназовским нормам.

– Товарищ старший лейтенант, – сухо сказал старший прапорщик, – мне хотелось бы сохранить с вами хорошие деловые отношения, поскольку нам с вами предстоит вместе участвовать в операции, но я обязан доложить командиру отряда о том, что ваш приказ идет вразрез с нормативом по подготовке снайперов.

– Тогда сразу же доложи, что снайперов, которые не смогут отжаться по двести раз и выполнить норматив при преодолении скалодрома, я с собой просто не возьму. А сейчас включай своих парней в общие занятия. Пусть пропотеют хотя бы как следует...

* * *

Размолвка с Факхатуллиным не помешала дальнейшему проведению занятий. Старший лейтенант сменил Рязанцева на старте с двумя секундомерами в руке. Только, в отличие от Рязанцева, Солмагаров еще и пробегал с солдатами дистанцию, окриками и советами помогая

им стремительно взобраться по стене, и до того как солдаты спустятся по канату, Олег Павлович успевал добежать до мысленной финишной черты, чтобы там нажать на кнопки секундомеров при пересечении этой черты солдатами. В общий строй были поставлены и снайперы, и старший прапорщик, и старший сержант. Снайперы бежали, как и занимались раньше, своими парами, и Солмагаров эти пары разбил, потому что они, подготовленные слабее солдат взвода, должны с ними соревноваться, должны стараться их догнать. Это уже приближало обстановку к боевой, когда снайперы будут не друг на друга равняться, а на солдат взвода. В принципе, подготовку солдат спецназа ГРУ снайперы имели, и зря старший прапорщик щадил их. А вот сам он такой подготовке мог только позавидовать, потому что время на дистанции показывал намного хуже, чем самый медленный из солдат. Бежал он вполне сносно, а на стене «зависал» и не мог ни подтянуться, когда следовало, ни руки перебросить правильно, терялся сам и терял время. То есть совершенно не умел работать на скалодроме. Видимо, в мотострелковой «учебке» снайперов в самом деле готовили так, что они могли только из своей постели стрелять. В лучшем случае со стандартной позиции в тире или на стрельбище. В спецназе ГРУ подобный уровень подготовки вычеркивал человека из списка раньше, чем тот начинал познавать азы боевой составляющей боя спецназа. Но по постепенно мрачнейшему старшему прапорщику Олег Павлович понял, что тот сам собой недоволен больше, нежели недоволен им командир взвода, и старался изо всех сил. Факхатуллину было стыдно перед солдатами. Он совсем недавно заменял здесь командира взвода, отдавал команды, покрикивал на них, а, как оказалось, умеет меньше, чем они. И старший лейтенант только радовался, что вырвался из госпиталя раньше, чем следовало, иначе взвод с таким командиром мог бы полностью потерять боевую подготовку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.